

Р.Ф.Туровский

Общие итоги

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1999 г.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Общеизвестно, что парламентская кампания 1999 г. была прелюдией президентских выборов 2000 г., призванных наметить контуры постъельцинского этапа в развитии современной России. Выявившиеся в ходе нее тенденции, в том числе на региональном уровне, безусловно, сказались на итогах президентской гонки. Однако прежде чем анализировать региональные особенности парламентских выборов-99, целесообразно вкратце охарактеризовать общероссийский процесс структурирования электорального поля.

Напомню, что 5-процентный барьер преодолели шесть избирательных объединений. Как и на прошлых думских выборах, первое место заняла КПРФ, даже несколько улучшив свои результаты по сравнению с 1995 г. (24,3% голосов). Тем не менее, лидерство коммунистов оказалось не безусловным. С минимальным отставанием от КПРФ вторым к финишу пришел проправительственный блок «Едиство» («Медведь»), созданный буквально накануне выборов, но сумевший качественным образом изменить электоральный ландшафт России (23,3%). Еще летом претендовавший на первое место блок внутрисистемной оппозиции «Отечество – Вся Россия» был лишь третьим (13,3%). Другим важным электоральным сдвигом стало уверенное преодоление 5-процентной планки «Союзом правых сил» (8,5%). Выборы продемонстрировали также существенное сокращение электоральной базы ЛДПР («Блок Жириновского» получил только 6% голосов, потеряв более 5 пунктов по сравнению с выборами 1995 г.). Довольно слабый результат показало и «Яблоко» (5,9%).

Особого внимания заслуживает вопрос о перераспределении голосов между основными секторами электорального пространства. Сравнительный анализ результатов выборов 1995 и 1999 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. Популярность левых сил не только не выросла, но даже немного сократилась. На выборах 1999 г. избирательные объединения левой и лево-националистической ориентации, апеллирующие к советской субкультуре (КПРФ, «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз», «Сталинский блок – за СССР», ДПА, Партия мира и единства), получили в сумме 28,1% голосов, тогда как в 1995 г. аналогичный показатель составлял 32,2%. Расширение электоральной базы КПРФ произошло за счет мелких блоков: на последних думских выборах КПРФ забрала себе львиную долю голосов левого электора-

та, став абсолютным и бесспорным лидером в своем электоральном секторе. Размежевания с КПРФ «Духовного наследия» и ДПА протестные избиратели почти не заметили: все «раскольники» и радикалы полностью провалились.

2. Уровень поддержки политических объединений, отстаивающих либеральную, прозападную, антикоммунистическую идеологию, остался практически тем же, что и четыре года назад. На выборах 1999 г. избирательные объединения либерально-реформаторской ориентации («Союз правых сил», «Яблоко» и «Консервативное движение России») набрали 14,6% голосов, на выборах 1995 г. – 15,2%. Таким образом, успех «Союза правых сил» сочетался с небольшим общим снижением доли избирателей, голосующих за либералов-западников. При этом, как и на левом фланге, произошло перераспределение электората внутри одного электорального сектора. Если среди левых абсолютным лидером стала КПРФ, то здесь на первые позиции вырвался потеснивший «Яблоко» СПС. Его агрессивная кампания привела к консолидации избирателей, прежде голосовавших за ДВР, движение «Вперед, Россия!», «Общее дело» и т.п.

3. Главные изменения произошли в трех оставшихся электоральных секторах – национально-патриотическом, «центристском» и «партии власти». Резко сократился национально-патриотический сектор: если в 1995 г. «националисты» (ЛДПР, КРО и др.) набрали в сумме 21,2% голосов, то в 1999 г. общий результат объединений национально-патриотической ориентации («Блок Жириновского», «КРО и Движение Юрия Болдырева», Российский общенародный союз, «Русское дело», «Духовное наследие») составил лишь 7,2%.

4. Снизился процент избирателей, голосующих за мелкие политические движения центристской или идеологически невыраженной популистской ориентации. Другими словами, уменьшилась доля «болота». На прошлых выборах она составляла 13,7%. В 1999 г., несмотря на сокращение числа подобных избирательных объединений, их результаты оказались гораздо более скромными: разношерстные «центристы» («Женщины России», Партия пенсионеров, Российская партия защиты женщин, «За гражданское достоинство», «Мир. Труд. Май», «Блок генерала Андрея Николаева, академика Святослава Федорова», Всероссийская политическая партия народа, Социалистическая партия России, «Социал-демократы») получили вместе лишь 7% голосов.

5. Наиболее серьезные сдвиги произошли в секторе «партии власти». Думские выборы 1999 г. отразили ситуацию распада элиты на конкурирующие группы, ведущие подготовку к решающей схватке за власть в 2000 г. В отличие от 1995 г., когда в роли «партии власти» выступал НДР, не имевший на своем поле сколько-нибудь серьезных соперников, в ходе последних парламентских выборов эта «партия» была представлена несколькими избирательными объединениями, связанными с соперничающими элитными группировками федерального и реги-

онального уровней («Медведь», «Отечество – Вся Россия» и НДР). Причем если в 1995 г. суммарная доля голосов, пришедшая на «партию власти», чуть превышала 10%, то в 1999 г. она достигла 37,8%.

Иными словами, на последних парламентских выборах «партия власти» совершила беспрецедентный прорыв на другие электоральные поля. Прежде всего это относится к блоку «Медведь», которому удалось привлечь на свою сторону значительную часть национально-патриотического электората. Ядро электоральной базы «Медведя» составили те самые 14% избирателей, которых недосчитались национал-патриоты. С расчетом на такой результат и были выстроены имидж и политическая стратегия движения. Поддержка со стороны В.Путина и личностные характеристики С.Шойгу и А.Карелина позволили «Медведю» связать себя в общественном сознании с сильной, эффективной, национально ориентированной властью, ведущей беспощадную борьбу с чеченскими сепаратистами.

По сути дела, «Медведь» занял нишу А.Лебеда на президентских выборах 1996 г., сориентировав на себя лояльный, но нелиберальный по своим ориентациям электорат. Те 14,5% голосов, которые Лебедь когда-то «увел» у оппозиции и «передал» Б.Ельцину, теперь стали основой электората «партии власти» в лице «Медведя». Последний выступил в качестве системной национал-популистской политической силы, имея перед собой уже расчищенное политическое пространство (отказавшийся от участия в выборах А.Лебедь и изрядно поднадоевший В.Жириновский), что позволило ему решить следующие электоральные задачи:

- завоевать лояльный власти электорат национально-патриотической ориентации (избиратели Лебеда-96, почти половина избирателей Жириновского-95);
- достроить свой электорат за счет «болота» (сработал «эффект лидера», на которого всегда ориентируется последнее).

«Партия власти» в исполнении «Медведя» оказалась намного проще и понятнее простым избирателям, нежели либерально-чиновничий НДР образца 1995 г. Отсюда его успех при менее затратной и не столь навязчивой (как у НДР в 1995 г.) кампании.

В этой ситуации блок «Отечество – Вся Россия», игравший роль антикремлевской оппозиции, остался с ядерным электоратом традиционной «партии власти» – адаптированными слоями избирателей (голосование в Москве и крупных городах) и контролируемым электоратом в республиках. Фактически именно он и занял нишу НДР, тогда как «Медведь», демонстрируя новое лицо «партии власти», пошел совершенно иным путем.

Таким образом, «сюрпризы» выборов-99 связаны прежде всего с особенностями перетекания электората между основными электоральными секторами. В ходе этих выборов сектор «партии власти» и национально-патриотический сектор как бы «породнились», представ в качестве единого электората, поддерживающего российское прави-

тельство и премьера В.Путина. В то же время два традиционных электоральных сектора – левый и либеральный – остались «при своих», выбрав себе лидеров в лице КПРФ и СПС.

Межрегиональные различия в голосовании за те или иные политические силы остались существенными. Наибольший интерес представляют структурные различия в электорате отдельных регионов. Их исследование позволяет определить глубинные особенности региональных политических культур. В связи с этим описание географии голосования за конкретные блоки представляется мне не столь актуальным. Гораздо важнее определить типы голосований. Для этого следует изучить структуру электората в каждом регионе, т.е. представленность в них основных электоральных слоев – левого, национально-патриотического, конформистского (электорат «партии власти»), либерального и абсентеистского. Следующий шаг – выявление регионов, в которых доля какой-то группы избирателей существенно превышает среднероссийскую (в настоящей работе таковыми считаются регионы, в которых показатель голосования в 1,1 раза выше среднего по России), и анализ факторов, обуславливающих повышенное голосование данного типа.

Голосование за левые силы

Электорат левой ориентации составил 17,3% от всех избирателей¹, сократившись по сравнению с выборами 1995 г. на 3,4%. Львиную долю этого электората, как уже говорилось, захватила КПРФ. В целом география голосования за левых осталась практически той же, что и в середине 1990-х годов. Самыми «левыми» регионами России оказались Орловская область (родина Г.Зюганова), где за левых проголосовали 31,9% избирателей, и Карачаево-Черкесия (более 30% избирателей). Минимальный результат был получен в Ингушетии (1,8%), на Таймыре, в Туве и Свердловской области (6–8% избирателей).

Анализируя распространение по России левой электоральной культуры, можно провести классификацию территорий, которые выделяются на общероссийском фоне соответствующим типом голосования.

Прежде всего следует отметить, что на карте России по-прежнему сохраняется «красный пояс», включающий в себя регионы, расположенные к югу от Москвы и относящиеся к Центральному, Центрально-Черноземному и Поволжскому районам. В 1999 г. в его составе оказались Смоленская, Брянская, Калужская, Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Липецкая, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Ульяновская, Саратовская, Волгоградская и Астраханская области. Наибольшей «левизной» (более 25% электората) отличаются Орловская, Брянская и Липецкая области. Этой группе регионов присущ повышенный консерватизм, что объясняется значительной долей сельского населения и преобладанием соответствующего типа ментальности. Что же касается экономических показателей, то они не играют определяющей роли в формировании «красного пояса». Экономическое положение «красных» регионов существенно различается, и они отнюдь не входят в число наиболее депрессивных.

Здесь и далее анализ проводится на основе показателей не от числа пришедших на избирательные участки, а от общего числа избирателей. Такое исследование является более корректным, позволяя вскрыть всю структуру электората, включая абсентеистов, и делая сопоставимыми результаты выборов разных лет.

Естественным продолжением «красного пояса» к югу становится Северный Кавказ. Практически во всех регионах Северного Кавказа отмечается существенное превышение среднероссийского уровня голосования за левых. Исключение традиционно составляет Ингушетия: поддержка коммунистов противоречит исторической памяти ингушей. Массовое голосование за левых в «русских» краях и областях Северного Кавказа обусловлено теми же причинами, что и в регионах «красного пояса». Если же говорить о национальных республиках, то там доминируют ностальгические настроения, тоска по советским временам, когда в этих объективно бедных районах сохранялась этнополитическая и социально-экономическая стабильность. Поэтому среди самых «левых» регионов России продолжают оставаться Карачаево-Черкесия, Дагестан и Северная Осетия, для которых левая электоральная культура столь же характерна, как и для самых «красных» регионов «красного пояса».

Северо-восточным продолжением «красного пояса» являются поволжские национальные республики. Здесь также доминирует консервативно-ностальгическая сельская электоральная культура, которая присуща как русскому, так и титульному населению. Кроме того, протестное голосование за коммунистов характерно для русских по этническому составу населения городов, в большинстве своем испытывающих глубокий кризис. Из этого ряда выпадает относительно урбанизированный Татарстан, где региональные власти, конфликтующие с КПРФ, лучше и эффективнее других управляют электоратом. Электоральная культура Башкирии с ее сложным этническим составом и, как результат, меньшей управляемостью электората уже отличается повышенной «левизной», а Чувашия, Мордовия и Марий Эл выглядят вполне «красными».

На Урале и к востоку от него прокоммунистические настроения также сильнее всего проявлены в регионах с высокой долей сельского населения, образующих своеобразные «красные» острова на востоке России. К ним относятся Оренбургская, Курганская, Омская, Новосибирская, Читинская области и Алтайский край. Из национальных образований в эту группу попадают аграрные и преимущественно русские по национальному составу Республика Алтай, Усть-Ордынский Бурятский АО и Еврейская АО. В наибольшей степени левые настроения отличают Алтайский край – самый «красный» регион востока РФ.

Таким образом, *левая электоральная культура наиболее характерна для регионов с высокой долей сельского населения, расположенных в южной, т.е. благоприятной для земледелия, типично крестьянской части страны.* Выборы 1999 г. наглядно продемонстрировали, что именно эти регионы наиболее охотно голосуют за левых. Список регионов с консервативной сельской политической культурой как доминантой политического процесса практически совпадает со списком регионов с высоким уровнем голосования за левые силы. В этой связи весьма показательным выпадением из «красного пояса» промышлен-

ной Кемеровской области, суперактивное голосование которой за КПРФ в 1995 г. объяснялось одномоментной политической конъюнктурой, а не долгосрочными тенденциями и базовыми политико-культурными особенностями. Явных исключений из этого правила немного. Тот факт, что в ряде южных аграрных регионов левые получают сравнительно мало голосов, может объясняться:

- жестким контролем антикоммунистически настроенных властей за электоральным процессом;
- влиянием сложившейся городской культуры и особенностями формирования населения (юг Тюменской области).

Напротив, левым иногда удается добиваться успеха в не самых «очевидных» регионах. Причинами могут служить:

- исторически сложившееся доминирование консервативной сельско-мелкогородской среды, в значительной степени определяющей голосование и в крупных городах, население которых сформировалось сравнительно недавно и за счет сельского окружения;
- активная деятельность сильных организаций КПРФ, в ряде случаев – при поддержке местных властей;
- развитие кризисных явлений в экономике, чем умело пользуются региональные отделения КПРФ.

На последних выборах этот комплекс факторов сработал в пользу левых сил в Калужской, Тульской, Ульяновской, Саратовской, Волгоградской, Новосибирской областях.

Подводя итоги географического анализа голосования за левых, следует отметить, что в 1999 г. основные региональные особенности такого голосования проявились более выпукло, чем когда бы то ни было. Это связано с определенным «сжатием» и «окукливанием» левого электората, потерявшего часть своей периферии.

Обратимся теперь к динамике голосования за левые силы (в сравнении с прошлыми выборами). Прежде всего обращает на себя внимание существенное сокращение левого электората в «красном поясе». Последний, как уже говорилось, не исчез с электоральной карты России, но выделяется на ней уже не столь явно, как в прошлые годы. Можно говорить о некотором «пресыщении» местных избирателей голосованием за КПРФ и идеологически близкие движения. Примечательно, что ощутимые для коммунистов изменения произошли именно в тех областях, которые считались самыми «красными». Так, в Тамбовской, Пензенской и Белгородской областях левый электорат уменьшился на 12–13 пунктов, в Смоленской, Орловской, Рязанской, Воронежской и Ульяновской – на 5–9 пунктов. За счет потери почти 10 пунктов из «красного пояса» «выпала» Тверская область.

На этом основании можно сделать вывод: в 1995–1996 гг. голосование за левых достигло своего пика, после чего началось сокращение левого электората до некоего оптимального для каждого конкретного региона уровня. Отчетливее всего данная тенденция проявилась в самых «красных» регионах. В более умеренных (типа Тульской и

Саратовской областей) потери оказались не столь заметными, так что в результате разброс показателей внутри «красного пояса» заметно уменьшился.

Значимую роль в определении уровня голосования за левых играет позиция местной политической элиты. В некоторых республиках региональные власти, более или менее контролируемые электоральный процесс, сумели существенно снизить долю электората левых сил. Прежде всего это относится к Туве, Башкирии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Дагестану, Калмыкии и Адыгее. Впрочем, здесь также сказались и «пресыщение» КПРФ: многие из указанных регионов традиционно характеризуются доминированием левой электоральной культуры, которое сохранилось и сейчас, но уже не в такой степени, как раньше.

Особый интерес представляет ситуация в регионах, где в период между парламентскими выборами у власти оказались «красные» губернаторы. Анализ показывает, что полевения электората там не произошло. Исключение составляет Краснодарский край, где доля левого электората выросла на 2,5%. В результате регион впервые занял первое место в России по числу избирателей КПРФ (более 800 тыс. чел.), опередив лидировавшую ранее Московскую область. Думается, что немаловажную роль здесь сыграл феномен губернатора Н. Кондратенко, сохраняющего свою популярность и уверенно контролирующего ситуацию в крае. Однако другие «красные» губернаторы оказались не столь яркими политиками.

Кроме того, выявилась проблема: *действующий губернатор не может эффективно агитировать избирателей голосовать за оппозиционную партию, ассоциирующуюся с иным общественным строем.* Конечно, он в состоянии сформировать благоприятную для КПРФ информационную ситуацию, дать карт-бланш обкому КПРФ, но все эти меры не способны обеспечить кардинальное полевение электората.

В итоге существенный прирост показателей КПРФ был достигнут только в тех регионах, где у власти находятся наиболее эффективно действующие «красные» губернаторы (Краснодарский край, Тульская и Брянская области). Что касается левого электората в целом, то, как уже говорилось, он вырос только на Кубани. Принадлежность губернатора к КПРФ в лучшем случае позволяла компартии вычерпать весь имеющийся левый электорат, не оставив ничего мелким движениям, и затормозить его сокращение. Причем добиться этого удалось далеко не везде. О том, что «красные» губернаторы сумели сдержать процесс сокращения левого электората, можно говорить только применительно к Тульской, Брянской и Владимирской областям.

В остальных случаях определяющую роль сыграло охлаждение отношений между партийными организациями и «красными» губернаторами, а также неверие последних в победу лидера КПРФ на президентских выборах, которое влекло за собой пассивность и, как следствие, падение губернаторских рейтингов и утрату контроля за

²Характерно, что «красный» губернатор Тамбовской области потерпел поражение и на проходивших одновременно с парламентскими губернаторскими выборами

ситуацией. В результате в двух регионах с «красными» губернаторами – Тамбовской и Амурской областях – потери левых были просто катастрофическими². Тамбовская область осталась преимущественно «красной», но вот Амурская, всегда демонстрировавшая симпатии к левым и являвшаяся «островком социализма» на Дальнем Востоке, теперь оказалась лишь чуть левее, чем Россия в целом.

Небольшое полевение электората наблюдалось совсем не в тех регионах, где правят губернаторы-коммунисты. Напротив, оно было особенно характерно для традиционно антикоммунистически настроенных территорий, которые в поисках своего оптимума стали медленно приближаться к среднероссийским показателям. Более четырех пунктов составил прирост голосования за левых в совсем не «красных» Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском округах. Причем, поскольку в названных регионах нет не только «красных» глав администраций, но и прокоммунистических СМИ и дееспособных ячеек КПРФ, речь идет о вполне свободном и самостоятельном выборе в соответствии с некоей общероссийской тенденцией. Несколько меньшим, но также заметным оказался рост числа голосующих за левые силы в Камчатской и Магаданской областях. Из «красных» регионов полевели только Краснодарский край, Мордовия и Липецкая область. Показательно, что на прошлых выборах данные регионы входили, скорее, в число аутсайдеров «красного пояса», так что там не работал фактор «усталости» от многолетнего доминирования КПРФ в общественном мнении, как, скажем, на Тамбовщине.

В этой связи можно выделить еще одну важную тенденцию. *Левый электорат оказывается небольшим, но, как правило, стабильным или даже слегка увеличивающимся во многих индустриальных регионах севера и востока страны.* Здесь сложилась определенная, обычно не очень значительная и замкнутая, группа избирателей, ориентированных на социалистическую идеологию. Указанная тенденция особенно характерна для Челябинской, Пермской и Свердловской областей промышленного Урала, Иркутской области в Сибири, Хабаровского и Приморского краев на Дальнем Востоке, Мурманской области и Республики Коми на севере Европейской части России.

Итак, *поляризация регионов на «красные» и «антикоммунистические» стала менее заметной, существенно снизившись по сравнению с 1995–1996 гг.* Во многом это было обусловлено тем обстоятельством, что на сей раз антикоммунистическая кампания «партии власти» не выступала в качестве информационно-идеологической доминанты выборов. В результате произошел спад интереса к прокоммунистическим движениям. Примечательно, что наиболее радикальные из них, в частности сталинистские, полностью провалились. Объяснением может служить отсутствие в повестке дня темы «проклятого прошлого», появление которой немедленно вызвало бы протест у части населения и, как следствие, соответствующее голосование. Таким образом, *основными тенденциями в развитии левого электората на региональном*

уровне стали: а) его сокращение в наиболее «красных» регионах, которыми остаются южные территории с доминированием сельской консервативной политической культуры, ориентированной на советские ценности, и б) стабилизация его численности в промышленных регионах севера и востока страны.

Голосование за национал-патриотов

Электорат национально-патриотической ориентации в чистом виде существенно сократился – до 4,5% всех избирателей. Его сердцевину составили избиратели В.Жириновского. Периферия этого в целом неустойчивого и выделяемого с большой степенью условности электората в основном перешла к «партии власти» с «патриотическим лицом» в виде «Медведя». Канал подобного электорального перетока, открытый А.Лебедем еще в 1996 г., эффективно сработал на выборах 1999 г. Теперь говорить о значимой национально-патриотической «прослойке» уже не приходится, хотя она может восстановиться при изменении расстановки партийно-политических сил (новая вестернизация режима и, как ответ, появление крупной националистической партии). В сущности, данная «прослойка» и раньше представляла собой не националистический электорат в общепринятом понимании, а стихийно сложившуюся группу неидеологизированных избирателей, ориентированных на ценности сильной власти, порядка, «твердой руки». В условиях политической конъюнктуры 1999–2000 г. она примкнула к «Медведю», хотя часть ее сохранила верность В.Жириновскому.

Ни в одном из регионов России доля избирателей национально-патриотической ориентации не превысила 10%. Голосование за национально-патриотические силы наиболее характерно для периферийных регионов, расположенных преимущественно в северных и восточных районах России, особенно на Дальнем Востоке. Самыми яркими примерами таких регионов являются Читинская, Амурская, Магаданская, Камчатская и Мурманская области. Здесь национал-патриотам удалось заручиться симпатиями 7–8% избирателей. Лидерами же стали два окраинных автономных округа – Ненецкий и Коми-Пермяцкий. Именно в названных регионах В.Жириновский пользовался наивысшей популярностью в 1995–1996 г. Сохранению его базы способствовало наличие электората, пока не готового голосовать за проправительственное «Единство», но по принципиальным соображениям не голосующего за коммунистов.

Голосование за «партии власти»

На выборах «партия власти» была представлена сразу тремя избирательными объединениями, каждое из которых имело свой специфический электорат. Первое из них – проправительственное «Единство» («Медведь»), которое привлекало избирателей, ранее входивших в национально-патриотический и центристский сектора, и в то же время имело статус наиболее «приближенного» к власти и системного движения, аккумулируя голоса нелиберально настроенных конформистов. Второе – блок «Отечество – Вся Россия», игравший роль вну-

трисистемной оппозиции и одновременно, по данным социологических исследований, притягивавший симпатии наиболее адаптированных слоев населения, традиционно поддерживавших российские власти. Третье – НДР, выступавший в качестве «партии власти» в 1995 г. и сохранивший небольшую элитную поддержку.

География голосования за «Единство» и ОВР различается, и существенным образом. Случай с ОВР является наиболее простым. Здесь главным и практически единственным фактором голосования стала поддержка региональных властей. Отсутствие у ОВР продуманной кампании в регионах, ясной программы и эффективной региональной стратегии привело к тому, что административный ресурс приобрел решающее значение, предопределив огромные различия в популярности блока. Существенное превышение показателей над среднероссийскими дали:

- Москва и Московская область (мэр Москвы был одним из лидеров блока, губернатор Подмосковья на первых порах тоже поддерживал движение);
- Татарстан, Башкирия и Ингушетия, руководители которых наиболее активно поддерживали блок, а также Мордовия, глава которой возглавлял региональный список ОВР;
- республики Северного Кавказа (кроме Ингушетии) – Дагестан, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия. Здесь, помимо поддержки блока отдельными группами региональной элиты, сказалось отторжение лояльными избирателями «Единства», которое ассоциировалось с чеченской кампанией;
- Агинский Бурятский и Ненецкий АО, где в одномандатных округах убедительно выиграли популярные сторонники Ю.Лужкова И.Кобзон и А.Чилингаров.

Следует отметить, что губернаторы краев и областей, входившие в движение «Вся Россия», не выполнили задачу по раскрутке ОВР. Это объяснялось изменением политической конъюнктуры, насущной необходимостью налаживать отношения с новым правительством и «преемником» (руководители Татарстана и Башкирии, привыкшие к особым отношениям с центром, чувствовали себя свободнее и к тому же имели реальную возможность провести по спискам ОВР своих сторонников). Результатом стали крайне слабые показатели ОВР в этих регионах, в некоторых из них блок даже не преодолел 5-процентный барьер.

Таким образом, географию голосования за ОВР практически целиком определил фактор, известный как эффект избирательной кампании. Иными словами, в тех регионах, где блоку удалось организовать и провести кампанию (в российских условиях это – регионы, где была обеспечена значимая элитная поддержка), он и добился успеха, сумев привлечь конформистский электорат, традиционно голосующий за «партию власти». В республиках, да и в ряде областей, ОВР фактически занял нишу НДР. В то же время блок не смог стать общероссийским движением, и потому в голосовании за него не отрази-

лись какие-либо общероссийские электорально-географические тенденции. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что половина его электората оказалась сосредоточена в Москве, Подмосковье, Татарстане и Башкирии, т.е. *ОВР стал сугубо региональным движением со всеми вытекающими последствиями.*

География голосования за «Единство» определялась более сложным набором факторов. К ним относится, в частности, и административный фактор: во всех регионах, руководители которых с самого начала открыто поддержали «Единство», результаты оказались высокими (Чукотский АО, Калининградская, Курская, Тверская области и др.). Тем не менее в данном случае этот фактор не был основным. Гораздо большую роль сыграла благоприятная структура электората. Выделились прежде всего те регионы, в которых произошло слияние национально-патриотического и «центристского» электоратов, обратившихся в электорат «партии власти с медвежьим лицом».

Прежде всего, «медвежий пояс» захватил северные и северо-западные районы Европейской части России (за вычетом Санкт-Петербурга и Ленинградской области). В него вошли Мурманская, Архангельская, Вологодская области, Карелия, Республика Коми (т.е. весь Северный район за исключением Ненецкого АО, отдавшего предпочтение ОВР и неплохо голосовавшего за «Блок Жириновского»), затем – Удмуртия, Коми-Пермяцкий АО, Кировская, Костромская, Ярославская, Ивановская, Новгородская, Псковская, Тверская, Калининградская области. Многие из этих регионов ранее выделялись голосованием за А.Лебеда (особенно Ярославская, Костромская и Ивановская области) и В.Жириновского (Псковская). Таким образом, если к югу и юго-востоку от бастиона ОВР Москвы начинался «красный пояс», то к северу и северо-западу – «медвежий», так что столица оказалась во «враждебном окружении».

«Медвежий пояс» занял также основную часть Сибири и Дальнего Востока. Группа поддержавших «Единство» регионов начинается с «острова» в виде Курганской и Тюменской областей и Ханты-Мансийского АО. Далее возникает целая полоса вдоль южных границ страны, включающая Кузбасс, Горный Алтай, Хакасию, Туву, Иркутскую область с Усть-Ордынским Бурятским АО, Читинскую, Амурскую области, Приморский край и прерывающаяся в Красноярском и Хабаровском краях и Бурятии, где расстановка сил в местной элите была менее благоприятной для «Медведя». На севере она дополняется Таймыром, Эвенкией, Якутией, Магаданской и Камчатской областями, Корякским и Чукотским АО. Исключения в Сибири и на Дальнем Востоке обычно связаны с деятельностью крупных элитных групп, поддерживавших ОВР или КПРФ, и значимым присутствием высокообразованного либерального электората. Более активное голосование за «Единство» характерно для периферийных регионов.

В этом смысле регион, симпатизирующий «Медведю», отнюдь не выглядит прямой противоположностью региону «красному». Реги-

оны со значимым присутствием или доминированием крупногородской электоральной культуры охотнее отдавали свои голоса ОВР или либералам. *«Единство» заняло другую нишу – средние и малые северные города с преимущественно некоммунистической ориентацией.*

В целом среди наиболее благоприятных для «Единства» регионов северные и восточные явно преобладают над южными. В то же время следует отметить, что *«медвежий пояс» частично пересекается с «красным».* У него имеется своя южная составляющая, в которую входят отдельные фрагменты «красного пояса» – Брянская, Орловская, Курская, Белгородская, Воронежская, Пензенская, Волгоградская, Астраханская области. Не выпал и Северный Кавказ – Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края, Кабардино-Балкария, Дагестан. В данных регионах, учитывая общее доминирование национально-патриотических настроений, «партия власти» типа «Медведя» оказалась наиболее приемлемой для конформистски настроенного электората.

На фоне «островного», «административного» или преимущественно пролужковского голосования за ОВР голосование за «Единство» – при всей молодости движения – отличается более интересной географией, отражающей глубинные процессы, протекающие в электорате. Дело в том, что *между консервативным прокоммунистическим селом и «продвинутыми» крупными городами существует особая электорально-географическая ниша.* Эта ниша связана с промышленными центрами, как правило молодыми и не очень большими, сформировавшимися не за счет сельского окружения, а в результате миграций, и с сельскими районами, но только северными, электоральная культура которых отличается от южной. Для местной политической культуры характерны промежуточность и неоформленность. Она плохо воспринимает либеральные реформы по западному образцу и в то же время не обращена к прошлому. Для нее не столь значимы идеологии, и потому идеологизированные партии ей обычно отторгаются. Зато хорошо воспринимаются сильные, яркие лидеры, оперирующими простыми и понятными ценностями порядка, сильной власти и государственности, а также «центристы» типа «Женщин России» и Партии самоуправления трудящихся.

Поэтому «медвежий пояс» в прошлом охотно голосовал за В.Жириновского (особенно в 1993 г.) и А.Лебеда и условно считался национально-патриотическим. В новой ситуации на фоне выпадения из электорального контекста старых кумиров он поддержал «партию власти», удачно адаптировавшуюся к его ожиданиям. Его частичное совпадение с «красным поясом» в условиях спада интереса к КПРФ у значительной части левого электората позволяют прогнозировать рост конформизма в южных регионах, если только «партия власти» не изменит своим избирателям-неофитам и не обратится к ним непривлекательной «прозападной» стороной.

Для того чтобы вписать анализ географии голосования за «Единство» и ОВР, которые впервые и, возможно, в последний раз

выступали на выборах, в электоральную историю постсоветской России, необходимо еще раз посмотреть, каким глубинным политико-культурным тенденциям оно соответствовало. Голосование за ОВР практически полностью определялось позицией региональных элит и их способностью мобилизовать электорат. Оно оказалось наиболее характерным для небольшой группы территорий, занимающих особое положение в Российской Федерации в силу ярко выраженной национальной (Татарстан, Башкирия) или социально-политической (Москва) специфики. Аналогичным по своему типу было голосование за НДР в 1995 г.: почти тот же набор территорий и, соответственно, те же факторы голосования.

Сходными факторами определялось и голосование за НДР на выборах 1999 г. Не случайно в избирательных списках НДР было столько же региональных руководителей, сколько в списках ОВР (по шесть). Результат также зависел от позиции местных властей и их реального влияния на электорат. Так, выделились Ямало-Ненецкий АО – вотчина «Газпрома» и место избрания в Госдуму В.Черномырдина, Кабардино-Балкария, власти которой разделили свои симпатии между НДР, который они поддерживали на прошлых выборах, и ОВР (за счет хороших личных отношений президента В.Кокова с Ю.Лужковым), Новгородская и Саратовская области, чьи губернаторы входили в список движения. В этих регионах НДР преодолел 5-процентный барьер.

Таким образом, голосование за ОВР и НДР является выражением *регионалистской тенденции*. Она означает обособленность регионов в российском электоральном пространстве, которая может быть обусловлена национальной спецификой, очень сильным влиянием регионального лидера и особым экономическим положением. Как правило, она свойственна одним и тем же субъектам Федерации. По итогам выборов 1999 г. в группу регионов с ярко выраженной регионалистской тенденцией вошли:

1. Национальные республики с высокой долей титульного населения и значительным уровнем контроля за ситуацией со стороны национальной бюрократии – Ингушетия, Кабардино-Балкария, Татарстан, Башкирия, Мордовия, Дагестан, Северная Осетия и Карачаево-Черкесия (в порядке убывания тенденции). В ту же группу следует включить и Туву, которая проголосовала за «Единство» в силу тех же причин, по которым другие республики голосовали за ОВР³, а также проголосовавшую за «Единство» Калмыкию. Кстати, на прошлых выборах Тува и Калмыкия активно поддерживали НДР.

2. «Особые» регионы России – Москва, ориентированная на нее Московская область и Ямало-Ненецкий АО.

3. Отдельные небольшие территории, где сказалось влияние московских политиков – Агинский Бурятский и Ненецкий АО.

Голосование за «Единство» вписывается в другую тенденцию, которую можно обозначить как *формирование национально-конформистского электората*. В данном случае представляется правомер-

³Напомню, что Тува – родина лидера «Единства» С.Шойгу.

ным рассматривать электорат «Единства» и национал-патриотов в качестве единого целого, поскольку в обоих случаях речь идет о лояльных по отношению к существующей власти, нелиберальных по своим ориентациям и неидеологизированных избирателях. Фактическая поддержка В.Путина со стороны ЛДПР, РОС и «Духовного наследия» только подтверждает их близость. *Национально-конформистский электорат складывается из некоммунистических государственников и «болота», чутко реагирующего на электоральную конъюнктуру.*

Качественное отличие «Единства» от других «партий власти» состоит в том, что этот блок сумел использовать общероссийскую электоральную тенденцию, а не собирал по «кусочкам» электорат, договариваясь с местными элитами. С географической точки зрения «национально-конформистский пояс» практически полностью совпадает с «медвежьим». Небольшие коррективы связаны с выпадением из этой группы Краснодарского и Ставропольского краев, а также Кабардино-Балкарии и, напротив, вхождением в нее Хабаровского края и Ненецкого АО.

Голосование за либералов

Еще один стабильный сегмент российского электорального пространства – либеральный электорат. На последних выборах за его голоса активно боролись СПС и «Яблоко». В результате либералам отдали свои симпатии более 14% избирателей.

Уже давно стало общим местом соотношение либеральной политической культуры с крупными российскими городами. На выборах 1999 г. эта ситуация в основном повторилась, причем в максимально ярком, заостренном виде. Наибольшей доля либерального электората оказалась в крупнейших городах России – Москве и Санкт-Петербурге, а также в значительной группе областей с центрами-миллионниками (Нижегородская, Самарская, Пермская, Свердловская, Челябинская, Омская, Новосибирская).

Кроме того, в группу самых «правых» регионов вошли почти все территории Северного района – Карелия, Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, Ненецкий АО (выпала только Вологодская область). На остальной территории России выделились области, имеющие в своем составе города со сложившимися традициями «правого» голосования, – Ярославская, Томская области, Хабаровский край, а также тюменский север – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО. Высокая доля интеллигенции и вообще лиц с высшим образованием, развитый бизнес создали благоприятные условия для голосования за либералов.

Таким образом, *«правое» голосование характерно для крупногородской электоральной культуры.* Она присуща прежде всего городам с населением более миллиона жителей. Кроме того, существует группа урбанизированных регионов с относительно высоким образовательным уровнем, где местная политическая культура как бы копирует крупногородскую. К ним относятся основные центры топливно-

энергетического комплекса (тюменский север), старые университетские города (Томск), крупные межрегиональные центры типа Хабаровска, Ярославля, Архангельска и портового Мурманска.

Изменения в численности либерального электората оказались наименьшими среди всех электоральных секторов. В большинстве регионов доля либерально настроенных избирателей изменилась не более чем на 2%, а в 36 регионах – менее чем на 1%. Иными словами, *либеральный электорат демонстрирует наибольшую устойчивость к внешним воздействиям*. Существенный его прирост наблюдался в изначально благоприятных регионах с крупногородской культурой. В то же время самый значительный прирост – более чем на семь пунктов – был обеспечен за счет поддержки СПС губернатором Самарской области К.Титовым. Позитивные для либералов сдвиги произошли в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, Новосибирской, Омской и Томской областях. В трех последних случаях довольно успешно действовало «Яблоко», которое сумело привлечь значительную часть местных избирателей.

По итогам выборов можно говорить о том, что в крупнейших городах России, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга, либеральные силы сохранили и даже приумножили свой электорат. Административная поддержка, как свидетельствует пример Самарской области, позволяет еще больше расширить электоральную базу правых в центрах крупногородской электоральной культуры, т.е. резервы явно еще не исчерпаны.

Самые большие потери либералы понесли в тех регионах, где адаптированные слои избирателей переориентировались на ОВР как на выражающую их интересы «партию власти». В наибольшей степени от этого пострадало «Яблоко», поскольку снижение доли либерального электората затронуло прежде всего традиционные «яблочные» регионы – Санкт-Петербург, Ростовскую, Камчатскую и Ярославскую области. Семь пунктов правые потеряли в Москве, более трех – в Московской области. В периферийных регионах можно говорить и о потерях в пользу «Единства». Скорее всего, именно за «Единство» проголосовали довольно многочисленные «потерявшиеся» избиратели либеральной ориентации в Магаданской, Псковской, Калининградской, Воронежской и Брянской областях.

Заметно, что изменения в численности либерального электората в значительной степени зависят от ситуации в региональной «партии власти». В случае, когда элита поддерживает отчетливо либеральный блок, число голосующих за него увеличивается за счет проправительственных блоков (Самарская область). Если же местное руководство активно поддерживает какое-либо избирательное объединение «партии власти» правоцентристской ориентации, электорат уходит к этому объединению, и либералы теряют голоса (Москва, Санкт-Петербург). В целом же *в большинстве регионов доля либерально настроенных избирателей стабилизировалась, она отражает роль и значимость в регионе крупногородской, столичной политической культуры*.

Активность избирателей

Электоральная активность в региональном разрезе – довольно нестабильный показатель. На выборах 1999 г. явка избирателей немало упала по сравнению с 1995 г. Доля абсентеистов выросла на 2,7%. Рост пассивности становится еще более заметным, если провести сравнение с президентскими выборами 1996 г. Нестабильность явки определяется многими факторами, как долгосрочными (особенности региональной политической культуры), так и конъюнктурными (усилия местных властей или политических партий по мобилизации электората). Поэтому карта электоральной активности в России оказывается весьма расплывчатой.

Тем не менее, анализ ситуации на последних выборах позволяет вскрыть основные тенденции, связывающие активность с особенностями местной политической культуры. Наиболее активными оказались национальные автономии с высокой долей титульного населения, политической культуре которых свойственен регионализм. Повышенная явка наблюдалась в республиках Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария) и Волго-Уральского региона (Татарстан, Башкирия и Мордовия), в Туве и Агинском Бурятском АО. Здесь влияние местных властей и высокая доля традиционно активного сельского населения обеспечили дружную явку избирателей, прежде всего – представителей титульных народов. Вписалась в эту тенденцию и Республика Алтай, где абсолютно преобладает русское население: периферийность региона и очень высокая доля сельского населения благоприятствуют избирательской активности. Те же факторы сработали в аграрном Усть-Ордынском Бурятском АО. Что касается северных Чукотского и Корякского АО, то здесь высокой явке способствовала, скорее, мобилизующая роль властей, поскольку для местной политической культуры электоральная активность не характерна.

Если обратиться к областям, то там повышенная явка отличала некоторые типично аграрные регионы «красного пояса» – Орловскую, Белгородскую, Курганскую области и Алтайский край, а также «примкнувшие» к ним Саратовскую и Ростовскую области. Тем не менее нельзя сказать, что «красные» южные территории активнее других участвовали в прошедших выборах. Многие из них своей активностью отнюдь не выделялись. В то же время повышенную активность продемонстрировали многие регионы с высокой долей сельского населения, но расположенные к северу от Москвы, т.е. скорее «медвежьи», – Тверская, Костромская, Кировская, Псковская и более урбанизованная Ярославская области.

Таким образом, ареал повышенной избирательской активности оказывается некомпактным, хотя можно выделить следующую закономерность: росту явки способствует высокая доля титульного (в автономиях) и сельского населения. Однако в «русских» регионах зависимость явки от уровня урбанизации не очень сильно выражена. Корректнее говорить о потенциально активных и потенциально пассивных территориях, тогда как реальный результат определяется ходом кампании, усилиями властей и партий.

‘В данном случае повышенными считаются показатели, которые в 1,05 и более раз превосходят среднероссийские (аналогичным образом определяются пониженные показатели). Подобная корректировка методики объясняется тем, что превышение в 1,1 и более раз (при общероссийском показателе 61,7% это означает явку не менее 67,9%) дает лишь небольшая группа регионов, недостаточная для полноценного анализа тенденций.

Пассивность была наиболее характерна для большой группы промышленных регионов востока страны – Пермской, Свердловской, Кемеровской, Томской, Иркутской, Сахалинской, Магаданской областей, Красноярского и Хабаровского краев, а также Бурятии и Хакасии с их высокой долей городского русского населения. В Европейской части России прежде всего обращает на себя внимание прибалтийский ареал – Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области.

Другие пассивные регионы сложнее вписать в некую общероссийскую тенденцию. Довольно похожие соседние регионы нередко демонстрировали весьма большие различия в активности. Так, рядом с активной Саратовской областью оказалась пассивная Волгоградская, рядом с активной Ростовской – пассивный Краснодарский край. Низкой была явка в Нижегородской области. Здесь снижение активности объяснялось, скорее, спецификой политической ситуации, которая препятствовала мобилизации электоральных групп.

Тем не менее, анализ изменений явки по сравнению с 1995 г. позволяет выявить некоторые тенденции. Во-первых, наблюдалось существенное падение активности в регионах «красного пояса». Например, в Смоленской области активность понизилась почти на 10 пунктов, в большинстве «красных» регионов Центральной России и Поволжья – не менее чем на 5 пунктов. Рост абсентеизма характеризовал и другие «красные» регионы, причем некоторые из них перестали выделяться активным голосованием за левых (Кемеровская, Амурская, Тверская области, Бурятия). Поскольку снижение активности совпало с уменьшением доли левого электората, можно предположить, что *спад явки затронул прежде всего левый электорат, разочарованный в своей партии*. Во-вторых, активность заметно сократилась в ряде регионов с раздробленной и лишенной ясных приоритетов местной элитой (Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Псковская области, Красноярский край). Здесь неопределенность в информационном пространстве и на уровне лидеров общественного мнения повлекла за собой электоральную пассивность.

Рост активности, наоборот, отличал регионы, в которых местные власти сделали ясный и однозначный выбор, обычно – в пользу ОВР (Татарстан, Ингушетия, Мордовия, Москва) или ОВР и НДР (Кабардино-Балкария). Выросла явка и в тех субъектах Федерации, где элита сделала ставку на «Единство» (Тува, Чукотка). Выборы также показали, что привычную пассивность северных территорий не следует абсолютизировать и при желании ситуацию можно изменить. Об этом свидетельствует рост активности избирателей в Ханты-Мансийском, Корякском, Чукотском АО и Республике Коми.

В целом можно сделать вывод о том, что явка избирателей является наиболее управляемым электоральным параметром; она слабо зависит от специфики местной политической культуры и в значительной степени определяется предвыборной конфигурацией сил и деятельностью политических субъектов в ходе кампании.

**Типы
электоральных
культур**

Проведенный анализ позволяет классифицировать регионы по типам электоральных культур (см. табл. 1).

Таблица 1

	Активная	Пассивная	Нормальная явка
Левая	Саратовская обл.	Краснодарский край	Адыгея, Марий Эл, Чувашия, Алтайский, Ставропольский края, Калужская, Липецкая, Оренбургская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская обл., Еврейская автономная обл.
Конформистская (национально-конформистская)	Костромская, Псковская, Тверская обл., Корякский АО	Хакасия, Иркутская, Калининградская, Кемеровская, Магаданская обл.	Удмуртия, Якутия, Приморский край, Амурская, Вологодская, Ивановская, Камчатская, Кировская, Новгородская, Тюменская обл., Коми-Пермяцкий, Таймырский, Эвенкийский АО
Либеральная		Нижегородская, Пермская, Свердловская, Томская обл., Санкт-Петербург	Самарская, Челябинская обл.
Лево-конформистская	Республика Алтай, Белгородская, Курганская, Орловская, Ростовская обл., Усть-Ордынский Бурятский АО	Волгоградская обл.	Астраханская, Брянская, Воронежская, Курская, Пензенская, Читинская обл.
Лево-либеральная			Новосибирская, Омская обл.
Либерально-конформистская	Ярославская обл., Чукотский АО	Хабаровский край	Карелия, Республика Коми, Архангельская, Мурманская обл., Ханты-Мансийский АО
Регионалистская	Ингушетия, Татарстан, Тува, Агинский Бурятский АО		Московская обл.
Леворегионалистская	Башкирия, Кабардино-Балкария, Мордовия	Северная Осетия	Калмыкия, Карачаево-Черкесия
Либерально-регионалистская			Москва, Ямало-Ненецкий АО
Левоконформистско-регионалистская	Дагестан		
Либерально-конформистско-регионалистская	Ненецкий АО		
Неопределенная		Бурятия, Красноярский край, Ленинградская, Сахалинская обл.	Владимирская обл.

⁵См., напр.: Коло-
сов и Туровский,
1996; Туровский,
1999.

Региональные электоральные культуры в России формируются под влиянием множества факторов, которые подробно исследованы на примерах прошлых избирательных кампаний⁵. Они хорошо вписываются в историко-культурный контекст формирования российских территорий и их населения. Так, принадлежность к левой электоральной культуре или смешанным электоральным культурам с левой компонентой характерна для консервативных южных регионов России с высокой долей сельского населения и типично сельской ментальностью. Национально-конформистская электоральная культура лучше всего представлена в регионах с политическим доминированием средних и малых промышленных городов, как правило – северных и восточных. Однако она проникает и на юг – в регионы «красного пояса», где растут конформизм и «усталость» от КПРФ. Наконец, либеральная электоральная культура привязана к крупным городам, а также к относительно молодым промышленным центрам севера и востока с особой социальной структурой (главный критерий – высокий образовательный уровень). Активная электоральная культура отличает национальные автономии и аграрные регионы, пассивная – промышленные центры севера и востока страны, хотя явка избирателей в большей степени, чем политико-идеологические ориентации, зависит от хода конкретной кампании и, как результат, менее устойчива. Напротив, такие параметры, как отношение регионов к либеральным силам, а также голосование за бюрократические «партии власти» в небольшой группе субъектов Федерации с высоким уровнем корпоративного контроля за выборами, остаются наиболее стабильными.

Классификация регионов по типам электоральных культур позволяет эффективнее прогнозировать ход будущих избирательных кампаний. Выборы 1999 г. продемонстрировали ряд новых тенденций, среди которых следует выделить:

- уменьшение поляризации регионов в их отношении к левой электоральной культуре – прежде всего за счет снижения доли электората левых сил в «красном поясе» и одновременной стабилизации левого электората в промышленных центрах;
- формирование национально-конформистской политической культуры, которая свойственна полупериферийным, «промежуточным» территориям (если считать периферией южные сельские районы, а центром – наиболее крупные города).

Первая тенденция подтверждает известный вывод об ограниченности и замкнутости электоральной базы левых сил, которые не позволяют им рассчитывать на победу в общероссийском масштабе. Вторая тенденция пока не является необратимой и зависит от дальнейших действий федеральной власти. В то же время уже очевидно, что «партия власти», опирающаяся на левый или либеральный электорат, будет иметь очень ограниченную, «кастовую» поддержку, привязанную в каждом случае к небольшой группе конкретных тер-

риторий. Столь же бесперспективна модель создания электоральной базы за счет договоренностей с «сильными» региональными лидерами. Поэтому наиболее эффективной стратегией остается укрепление аморфного, но весьма обширного электората некоммунистической и нелиберальной ориентации, позитивно воспринимающего популизм и сильную государственность. * :

Библиография

Весна-89. 1990. *Весна-89. География и анатомия парламентских выборов.* М.: Прогресс.

Гиппельсон, В. и С. Чугров, 1995. «Модели электорального поведения российских регионов (опыт многомерного статистического анализа итогов выборов 12 декабря 1993 г.)». *МЭМО*, № 4.

Зубов, А.Б. и В.А. Колосов, 1994. «Что ищет Россия?» *Полис*, № 1.

Лузанов, А.Н. 1998. «О территориальной дифференциации электоральных предпочтений населения России». *Вестник Московского университета.* Сер.: география, №5.

Колосов, В.А. и Р.Ф. Туровский, 1996. «Электоральная карта современной России: генезис, структура и эволюция». *Полис*, № 4.

Туровский, Р.Ф. 1996. «Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования)». *Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга.* Сер.: политология. Вып. 3'96 (17).

Туровский, Р.Ф. 1998. «Электоральная база «партии власти» в регионах (анализ всероссийских выборов 1995–96 гг.)». В: *Политические процессы в регионах России.* М.: Центр политических технологий.

Туровский, Р.Ф. 1999. *Политическая география.* М. – Смоленск: Издательство СГУ.

Чугров, С. 1996. «Электоральное поведение российских регионов (статистический анализ выборов декабря 1995 г.)». *МЭМО*, № 6.